

Л.С. Выготский

Учения об эмоциях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Л11

Л11 **Л.С. Выготский**
Учения об эмоциях / Л.С. Выготский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 160 с.

ISBN 978-5-458-32653-7

Работа Льва Семеновича Выготского занимает особое место в серии по психологии раздела Эмоции.

ISBN 978-5-458-32653-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

знания, нельзя не упомянуть, что Ланге и Джемс почти дословно повторяют Декарта, который за 300 лет до них говорил то же самое о всей предшествующей истории этого учения. Он говорил: «Нигде нельзя видеть так отчетливо, как в трактовке страстей, как велики недостатки наук, переданных нам древними» (1914, с. 127). Учения древних о страстях казались ему до такой степени скудными и в большей своей части до такой степени шаткими, что он видел себя «принужденным совершенно оставить обычные пути, чтобы с некоторой уверенностью приблизиться к истине. Я принужден, - говорил он, - поэтому писать так, как будто я имею дело с темой, которой до меня еще никто не касался» (там же, с. 127).

Между тем простая историческая справка, справедливо приводимая Титченером, показывает воочию, что и проблема Декарта, и проблема Джемса-Ланге были знакомы и близки еще Аристотелю. Представитель спекулятивной философии, по мысли Аристотеля, говорит, что гнев есть стремление к отмщению {97} или что-нибудь подобное. Представитель натурфилософии говорит, что гнев есть кипение крови, окружающей сердце. Кто же из них настоящий философ? Аристотель отвечает, что настоящий философ тот, кто соединяет эти два положения. Это совпадение не кажется нам случайным, но его истинный смысл раскроется нам в дальнейшем ходе исследования.

Как бы ни заблуждались авторы органической теории эмоций насчет абсолютной новизны их идеи, это заблуждение сохранило в глазах их последователей до наших дней значение непреложной и неподдельной истины.

Уже в наши дни К. Денлап¹³, подводя итоги пятидесятилетнему существованию этой доктрины, утверждает: она не только укоренилась в научном мышлении так прочно, что практически является в настоящее время основой для изучения эмоциональной жизни, но и привела к развитию гипотезы реакции, или ответа, как основы всей духовной жизни в целом (in: W. B. Cannon, 1927, p. 106 -124). Ему вторит Р. Перри¹⁴: эта знаменитая доктрина так прочно укреплена доказательствами и так многократно подтверждена опытом, что невозможно отрицать достоверность ее существования. Несмотря на тщательно разработанные опровержения, она не обнаруживает никаких признаков устарелости (in: W. B. Cannon, 1927, p. 106).

Но скажем с самого начала: теория Джемса - Ланге должна быть признана скорее заблуждением, чем истиной, в учении о страстях. Этим мы высказали заранее основную мысль, главный тезис всей настоящей главы нашего исследования. Рассмотрим ближе основание этой мысли.

Иллюзия о неуязвимости и критической непроницаемости теории Джемса-Ланге, как и всякая иллюзия, вредна в первую очередь тем, что она не позволяет видеть вещи в правильном свете. Замечательным доказательством этого является факт, что ряд новых исследований, которые при объективном и внимательном рассмотрении наносят сокрушительный удар анализируемой теории, воспринимается последователями этой доктрины как новое доказательство ее силы. Примером такого заблуждения может служить судьба первых экспериментальных работ У. Кен-нона¹⁵, который подверг систематической экспериментальной разработке проблему органических изменений, возникающих при эмоциональных состояниях. Его исследования, переведенные на русский язык¹⁶, в сущности говоря, содержат убийственную критику органической теории эмоций. Они, однако, были восприняты и осознаны нашей научной мыслью как совершенно бесспорное доказательство ее правоты.

В предисловии Б. М. Завадовского¹⁷ к русскому переводу этих исследований прямо говорится, что гениальные по проницательности мысли Джемса о природе эмоций облекаются на наших глазах в реальные, конкретные формы биологического эксперимента (in: W. B. Cannon, 1927, p. 3). Это утверждение подкрепляется ссылкой на революционность идей Джемса, который выпукло подчеркнул {98} материальные, чисто физиологические корни психических состояний. Эта общая мысль, бесспорная для всякого биолога, который не мыслит себе психическую деятельность без ее материальной

базы, оказывается тем общим знаменателем, который благодаря не раз уже упомянутой иллюзии позволяет отождествить идеи Джемса и факты, представленные Кенноном, несмотря на то что они находятся в непримиримом противоречии. Сам Кеннон ясно показывает, что Завадовский не одинок в своем заблуждении при оценке значения его экспериментальных работ. Его ошибку разделили все те, кто разделял вместе с ним его иллюзию.

По словам Кеннона, многообразные изменения (детально изученные им), которые происходят во внутренних органах вследствие большого возбуждения, были интерпретированы как подтверждающие теорию Джемса-Ланге. Но из фактов, представленных в этих исследованиях, должно быть ясно, что такое истолкование ложно. Что же показали исследования Кеннона?

Если остановиться на самом существенном и основном его результате, который один только и может интересовать нас в настоящем исследовании, надо сказать следующее: они обнаружили экспериментально, что боль, голод и сильные эмоции, как страх и ярость, вызывают в организме глубокие телесные изменения. Эти изменения отличаются рефлекторной природой, представляя собой типичную органическую реакцию, проявляющуюся благодаря унаследованному автоматизму, и, следовательно, эти изменения обнаруживают биологически целесообразный характер.

Телесные изменения во время возбуждения, как показывают исследования Кеннона, вызваны повышенным отделением надпочечными железами адреналина, они аналогичны тем, которые вызываются инъекцией адреналина. Адреналин вызывает усиленный распад углеводов и увеличивает содержание сахара в крови. Он способствует притоку крови к сердцу, легким, центральной нервной системе и конечностям и оттоку ее от заторможенных органов брюшной полости. Адреналин быстро снимает мышечную усталость и повышает свертываемость крови. Таковы главнейшие изменения, которые наблюдаются при сильном возбуждении, связанном с состоянием голода, боли и сильной эмоции. В основе их лежит внутренняя секреция надпочечных желез. Все эти изменения обнаруживают, как уже сказано, внутреннюю зависимость и сцепление между собой, все они в целом обнаруживают недвусмысленно свое приспособительное целесообразное значение.

У. Кеннон в исследовании раскрывает шаг за шагом значение повышенного содержания сахара в крови как источника мышечной энергии; значение повышенного содержания адреналина в крови как противоядия мышечной усталости; значение изменения кровоснабжения органов под влиянием адреналина как обстоятельства, благоприятствующего наибольшему мышечному напряжению {99}; аналогичное значение изменений функций дыхания; целесообразное значение ускоренного свертывания крови, предотвращающего кровопотерю.

Ключ к объяснению биологического значения всех этих явлений Кеннон справедливо видит в старой мысли, снова высказанной в последнее время Мак-Дауголлом¹⁸, о взаимоотношении инстинкта бегства с эмоцией страха и инстинкта драки с эмоцией ярости. В естественных условиях за эмоциями страха и гнева может последовать усиленная деятельность организма (например, бегство или драка), которая требует продолжительного и интенсивного напряжения большой группы мышц. Поэтому кажется вполне вероятным, что повышенная секреция адреналина, как результат рефлекторного влияния боли или сильных эмоций, может играть роль динамогенного фактора в производстве мышечной работы. Если верно, как экспериментально устанавливает Кеннон, что мышечная работа совершается главным образом за счет энергии сахара и что значительная мышечная работа способна заметно понизить количество запасного гликогена и циркулирующего сахара, то необходимо допустить, что повышение содержания сахара в крови, сопровождающее сильные эмоции и боль, значительно увеличивает способность мышц к продолжительной работе.

Дальнейшие исследования показали, что адреналин, свободно поступающий в кровь,

оказывает заметное влияние на быстрое восстановление утомленных мышц, лишенных первоначальной возбудимости и возможности быстро реагировать, подобно свежим мышцам, и тем самым усиливает воздействие нервной системы на мышцы, способствуя их максимальной работе. То же назначение, по-видимому, имеют кровоснабжение органов и изменение дыхания; настоятельная потребность в нападении или бегстве требует обильного снабжения кислородом работающих мышц и быстрого выведения отработанной углекислоты из тела. Наконец, целесообразность ускоренного свертывания крови также, очевидно, может рассматриваться как процесс, полезный для организма.

Обобщая эти данные, Кеннон предлагает рассматривать все реакции организма, вызванные болевым раздражением и эмоциональным возбуждением, как естественно возникающие защитные инстинктивные реакции. Эти реакции могут быть справедливо истолкованы как подготовка к сильному напряжению, которое может потребоваться организму. Итак, говорит Кеннон, с этой общей точки зрения, телесные изменения, сопровождающие сильные эмоциональные состояния, могут служить органическим подготовлением к предстоящей борьбе и возможным повреждениям и естественно обуславливают те реакции, которые боль может вызвать сама по себе.

Если бы мы захотели коротко суммировать общее значение найденных Кенноном фактов, мы должны были бы согласиться с его указанием на динамогенное действие эмоционального возбуждения {100} как на основной момент. Здесь Кеннон идет вслед за Ч. Шеррингтоном¹⁹, который энергичнее, чем кто-либо другой, указывал на эту сторону эмоциональных процессов. Эмоции, говорит он, владеют нами с самого начала жизни на земле, и возрастающая интенсивность эмоции становится повелительным стимулом к сильному движению. Каждое телесное изменение, наступающее во внутренних органах, - прекращение пищеварительных процессов (при этом освобождается запас энергии, который может быть использован другими органами), отток крови от внутренних органов, деятельность которых понижена, к органам, принимающим непосредственное участие в мышечном напряжении (легкие, сердце, центральная нервная система); усиление сердечных сокращений; быстрое уничтожение мышечного утомления; мобилизация больших запасов содержащего энергию сахара -каждое из этих внутренних изменений приносит непосредственную пользу, укрепляя организм во время огромной траты энергии, вызванной страхом, болью или яростью (см.: Р. Крид и др., 1935).

В связи с этим весьма важно то обстоятельство, что в период сильного возбуждения нередко ощущается колоссальная мощь. Это чувство появляется внезапно и поднимает индивида на более высокий уровень деятельности. При сильных эмоциях возбуждение и ощущение силы сливаются, освобождая тем самым запасаемую, неведомую до того времени энергию и доводя до сознания незабываемые ощущения возможной победы.

Прежде чем перейти к теоретическому анализу и оценке этих, по-видимому, бесспорно установленных положений, мы не можем не вернуться к основной проблеме нашего исследования, которая все время присутствует на каждой странице наших рассуждений: к учению Спинозы о страстях. Только несколько необычный и странный путь, избранный нами для исследования и необходимо вытекающий из самого существа поставленной нами проблемы, обусловил то, что при поверхностном впечатлении может показаться, будто мы отошли в сторону от решения основного вопроса, занимающего нас. Рассмотрение учения Спинозы о страстях в свете современной психоневрологии по самой сути дела не может не быть в равной мере и пересмотром современного состояния вопроса о природе эмоций в свете учения Спинозы о страстях, так что мы с равным правом могли бы озаглавить наше исследование этими последними словами.

Поэтому мы не можем не воспользоваться этим первым фактическим положением, полученным нами из рук первого экспериментального исследования эмоций, чтобы связать его с соответствующей идеей Спинозы, образующей отправной пункт всего его учения о страстях. Если вспомнить приведенное выше определение аффектов, данное в «Этике», нельзя не видеть, что экспериментальное доказательство динамогенного влияния

эмоций, поднимающего индивида на более высокий уровень деятельности, является вместе с тем и эмпирическим доказательством {101} мысли Спинозы, которая разумеет под аффектами такие состояния тела, которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее, а вместе с тем и идеи этих состояний.

Но выше упомянуто, что именно это определение Спинозы цитирует Ланге как сближающее учение Спинозы о страстях с органической теорией эмоций. Поэтому легко заключить, будто эмпирическое подтверждение идей Спинозы является вместе с тем и экспериментальным доказательством в пользу теории Джемса - Ланге. Так эти исследования и были восприняты первоначально. И действительно, с первого взгляда, при поверхностном рассмотрении может показаться, что эта теория находит в экспериментальных исследованиях Кеннона полное оправдание и празднует высший триумф. Те серьезные органические изменения, которые Ланге и Джемс выдвинули в качестве источника эмоциональных процессов, опираясь на повседневное наблюдение, интроспективный анализ и чисто спекулятивные построения, оказались не только совершенно реальным фактом, но представляются нам сейчас и гораздо более глубоко идущими, более всеохватывающими, более значительными для общего изменения жизнедеятельности, более радикальными и основными, чем то могла предполагать самая смелая мысль основоположников этой доктрины.

Но сейчас мы должны спросить себя, если хотим остаться верными духу критического исследования, направляющего все время нашу мысль: не впадаем ли мы снова в историческую иллюзию, очерчивающую заколдованным кругом знаменитый парадокс об органической природе эмоций, и, утверждая его высший триумф, который он разделяет с победой спинозовской мысли, не принимаем ли мы тем самым заблуждение за истину?

3

Вглядимся пристальнее в только что описанный факт и сейчас же заметим, что, наряду с видимым подтверждением органической теории эмоций, он содержит в себе и явно не говорящие в ее пользу выводы. Чтобы открыть их, мы должны перейти от абсолютного рассмотрения этого факта к относительному. Сам по себе факт ставит вне всяких сомнений положение о том, что сильные эмоции, как страх и ярость, сопровождаются глубочайшими органическими изменениями. Но ведь суть вопроса заключается не в этом положении самом по себе. Едва ли оно могло вызывать у кого-либо серьезные сомнения и до экспериментов Кеннона. Его эксперименты раскрыли физиологический механизм, структуру и биологическое значение этих органических реакций. Но едва ли прибавили хоть йоту достоверности самому факту существования этих изменений.

Суть вопроса заключается, следовательно, не в самом по себе наличии изменений при эмоциях, а в отношении этих телесных изменений к психическому содержанию и строению эмоций, с {102} одной стороны, и функциональном значении указанных - с другой. И классическая теория эмоций, против которой выступили Ланге и Джемс, считала неотъемлемым моментом всякого эмоционального процесса телесное выражение эмоций. Но она рассматривала эти телесные изменения как результат эмоциональной реакции. Новая теория стала рассматривать эти реакции как источник эмоций. Вся парадоксальность новой теории по сравнению с классической заключалась, как известно, в том, что она выдвинула в качестве причины эмоций то, что прежде считалось ее следствием. Это не только хорошо осознавали сами авторы новой теории, но именно это они выдвигали в центр своего построения как его главную и доминирующую идею.

К. Г. Ланге, определяя основную проблему, совершенно ясно сознает, что ставит вопрос наизуворот (вверх ногами). В результате своего исследования он приходит к тому вопросу, который выше отмечен нами как центральный пункт, разделяющий классическую и органическую теории эмоций. «Перед нами, - говорит он, - стоит теперь

вопрос, который имеет существенный интерес в психофизиологическом отношении и в то же время составляет центральный пункт нашего исследования, - вопрос о природе отношения, существующего между эмоциями и сопровождающими их физическими явлениями. Обычно употребляют такие обороты речи, как: физиологические явления, вызванные эмоциями, или физиологические явления, сопровождающие эмоции...» (1896, с. 54). Между тем вопрос об отношении между эмоцией как таковой и сопутствующими ей физиологическими явлениями никогда не был поставлен достаточно ясно.

«Странно, - говорит Ланге, - что это отношение никогда еще не было точным образом определено. Я не знаю ни одного исследования, стремящегося выяснить его истинную природу... Несмотря, однако, на эту неясность, все-таки приходится сказать, что научная психология также разделяет теорию, что эмоции вызывают и обуславливают сопровождающие их телесные явления. Она не задает себе вопроса, в чем собственно состоит та особенность эмоций, что они способны иметь такую власть над человеком» (там же, с. 54 -55). Ланге критикует классическую теорию эмоций, согласно которой «эмоции суть сущности, существа, силы, демоны, которые овладевают человеком и вызывают у него как физические, так и умственные явления» (там же). Несостоятельность традиционной теории эмоций, согласно которой «всякое событие, за которым следует эмоция, вызывает сначала непосредственным образом чисто психическое действие, которое и есть настоящая эмоция, - истинная радость, истинная печаль и т. д. - телесные же проявления эмоций составляют только побочные явления, хотя постоянно присутствующие, но сами по себе совершенно несущественные» (там же, с. 55 -56), Ланге формулирует в двух основных пунктах. Традиционная теория кажется ему столь же легковесной, как все метафизические гипотезы вообще. Не стесняясь опытов, они наделяют {103} психические процессы какими угодно свойствами и силами, и последние всегда оказывают именно те услуги, которые от них требуются. Может ли психический страх объяснить, почему бледнеют, дрожат и т. д.? Не беда, если не понимают этого. Можно придумать объяснение и не понимая его. Ведь привыкли таким путем успокаивать себя.

Второй пункт нападения на эту теорию заключается для Ланге в положении, что «чувство не может существовать без своих физических проявлений. Уничтожьте у испуганного человека все физические симптомы страха, заставьте его пульс спокойно биться, верните ему твердый взгляд, "здоровый цвет лица, сделайте его движения быстрыми и уверенными, его речь сильной, а мысли ясными, - что тогда останется от его страха?» (там же, с. 57). Поэтому Ланге остается допустить, что телесные проявления эмоций могут совершаться чисто физическим путем и что психическая гипотеза становится излишней.

В положительной формулировке собственной теории Ланге пытается свести все физиологические изменения при эмоциях к одному общему источнику и тем самым установить взаимную связь между этими явлениями, в высшей степени упрощая совокупность всего отношения и облегчая также физиологическое его понимание, которое было бы затруднительно, если бы мы должны были принять прямое первоначальное происхождение для каждого из этих явлений. Общий источник, объединяющий все физиологические изменения, Ланге видит в общих функциональных изменениях вазомоторной системы.

В классической формулировке своей основной идеи Ланге и выдвигает вазомоторную реакцию как источник и существеннейшую основу всего эмоционального процесса. Он говорит: «Вазомоторной системе мы обязаны всей эмоциональной частью нашей психической жизни, нашими радостями и печалью, нашими счастливыми и несчастными днями. Если бы впечатления, воспринимаемые нашими внешними органами чувств, не обладали способностью возбуждать ее деятельность, то мы проводили бы нашу жизнь как безучастные и бесстрастные зрители; все впечатления от внешнего мира обогащали бы только наш опыт, увеличивали бы сумму наших знаний, не возбуждая в нас ни радости,

ни гнева, не причиняя нам ни горя, ни страха» (там же, с. 77). В соответствии с этим Ланге видит истинную научную задачу для данного ряда явлений в точном определении эмоциональной реакции вазомоторной системы на различного рода влияния.

После изложенного вряд ли может остаться какое-либо сомнение в том, что центром теории, вокруг которого развивается все построение, является не само по себе наличие физиологических реакций при эмоции, а отношение этих реакций к эмоциональному процессу как таковому. С не меньшей ясностью то же самое следует и из теории Джемса. Сам Джемс формулирует это в классическом отрывке, который мы также позволим себе напомнить: {104} «Обыкновенно принято думать, что в грубых формах эмоции психическое впечатление, воспринятое от данного объекта, вызывает в нас душевное состояние, называемое эмоцией, а последняя влечет за собой известное телесное проявление. Согласно моей теории, наоборот, телесное возбуждение следует непосредственно за восприятием вызывавшего его факта, и сознание нами этого возбуждения в то время, как оно совершается, и есть эмоции. Обыкновенно принято выражаться следующим образом: мы потеряли состояние - огорчены и плачем; мы повстречались с медведем - испуганы и обращаемся в бегство; мы оскорблены врагом - приведены в ярость и наносим ему удар. Согласно защищаемой мною гипотезе, порядок этих событий должен быть несколько иным, именно: первое душевное состояние не сменяется немедленно вторым; между ними должны находиться телесные проявления и потому наиболее рационально выражаться следующим образом: мы опечалены, потому что плачем; приведены в ярость, потому что бьем другого; боимся, потому что дрожим, а не говорить: мы плачем, бьем, дрожим, потому что опечалены, приведены в ярость, испуганы. Если бы телесные проявления не следовали немедленно за восприятием, то последнее было бы по форме своей чисто познавательным актом - бледным, лишенным колорита и эмоциональной «теплоты». Мы в таком случае могли бы видеть медведя и решить, что всего лучше обратиться в бегство, могли бы понести оскорбление и найти справедливым отразить удар, но мы не ощущали бы при этом страха или негодования» (1902, с. 308 -309).

Как видим, и для Джемса вопрос заключается не в том, чтобы прибавить к традиционному описанию эмоционального процесса какой-либо существенный момент, но исключительно в том, чтобы изменить последовательность этих моментов, установить истинное отношение между ними, выдвинуть в качестве источника и причины эмоции то, что прежде почиталось ее следствием и результатом. Существенное различие между Джемсом и Ланге сводится только к двум, второстепенным с интересующей нас точки зрения, моментам. Во-первых, Ланге основывает изменение традиционного отношения между эмоцией и ее телесным выражением на материалистических тенденциях, в то время как Джемс ясно видит, что в этой теории содержится не больше и не меньше материализма, чем во всяком взгляде, согласно которому наши эмоции обусловлены нервными процессами, хотя и в его изложении содержится некоторое скрытое возражение, адресованное платонизирующим психологам, которые рассматривают психические явления как явления, связанные с чем-то чрезвычайно низменным. Но Джемс понимает, что с его теорией может примириться и платонизирующая, т. е. последовательно идеалистическая, психология. Второй момент различия заключается в самом физиологическом механизме эмоциональных реакций. Если для Ланге исключительное значение в этом механизме приобретает изменение вазомоторной системы, то Джемс выдвигает на {105} первый план функциональное изменение внутренних органов и скелетной мускулатуры. В остальном обе теории похожи друг на друга как близнецы.

Итак, мы видим, что для решения вопроса о том, говорят ли факты, найденные Кенноном, за или против органической теории эмоций, мы не можем ограничиться рассмотрением этих фактов самих по себе в их абсолютном значении, а должны непременно в первую очередь исследовать их отношение к существу эмоциональных

процессов и спросить, что говорят эти факты по поводу той причинно-следственной зависимости, которую Джемс и Ланге согласно выдвигают во главу угла всей своей теории. Вопрос, следовательно, должен быть поставлен так: подтверждают ли эти факты то положение, что органические изменения должны рассматриваться как прямая причина, источник и самое существо эмоционального процесса, без которых эмоция перестает быть тем, что она есть, или они говорят в пользу противоположного взгляда, склонного видеть в телесных изменениях более или менее непосредственные следствия психических процессов, лежащих в основе эмоций, только побочные явления, говоря языком Ланге, хотя постоянно присутствующие, но сами по себе совершенно несущественные? Иначе говоря, вопрос может быть отчетливо и кратко переведен в такую форму: должны ли мы! принять в свете этих фактов, что органические изменения при эмоциях составляют главный и основной феномен, а их отражение в сознании только эпифеномен, или наоборот -должны ли допустить, что сознательное переживание эмоций представляет основной и главный феномен, а сопутствующие телесные изменения только эпифеномен? Именно в этом заключается суть спора, острие всей контroversы между двумя теориями эмоций. Обратимся к разрешению поставленного вопроса.

Стоит только поставить вопрос таким образом, как мы сейчас же начинаем видеть: в экспериментальных исследованиях Кеннона заключается немало неблагоприятного для органической теории, что способно сильно преуменьшить триумф этой доктрины, который многие усмотрели в свете новых фактических данных. Неблагополучие прежде всего отчетливо выступает в двух основных выводах, которые могут быть сделаны из этих исследований. Первый вывод: органические изменения, какими бы глубокими и биологически значительными они нам ни представлялись, какие бы серьезные органические потрясения они ни скрывали за собой, выступают как удивительно сходные при самых различных и даже противоположных с точки зрения переживания эмоций.

Выяснению этого положения, первостепенного для интересующего нас вопроса, способствовало как более точное определение физиологического механизма этих реакций, скрытого в процессах внутренней секреции, так и строгое и систематическое изучение этих реакций в условиях эксперимента. Уже ранее исследование Кеннона установило следующее. Висцеральные явления, сопровождающие страх и ярость, проявляются при участии нейронов {106} симпатической системы. Нужно вспомнить, что эти нейроны служат главным образом для распространенных, а не для строго ограниченных реакций. Хотя речь идет о двух совершенно различных эмоциях (страх и ярость), известные физиологии факты говорят за то, что сопутствующие висцеральные изменения не так резко отличаются друг от друга. Более того, существуют факты, убедительно показывающие, почему висцеральные изменения при страхе и ярости не должны быть различны, но, напротив, скорее, сходны. Как уже указывалось, эти эмоции сопровождают подготовку организма к деятельности и по той же причине, что условия, которые их вызывают, приводят к бегству или сопротивлению (каждое из них требует, быть может, крайнего напряжения), в каждой из этих реакций потребности организма одни и те же. Механизм симпатического отдела также приходит в действие, в целом или частично, при эмоциях умеренного типа, например при радости или печали или отвращении, когда они проявляются достаточно интенсивно.

Таким образом, оказывается, что не столько психологическая природа эмоции, сколько интенсивность ее проявления и протекания обуславливает в первую очередь глубокие телесные изменения, которые вызываются, скорее, высокой степенью возбуждения центральной нервной системы, влияющего на порог раздражения симпатического отдела и нарушающего функции всех органов, иннервируемых этим отделом. Органические изменения, следовательно, представляются нам не строго модифицированными, согласно психологической природе эмоций, процессами, но, скорее, стандартной, интенсивной, типичной реакцией, которая активируется единообразным способом при самых различных эмоциях.

У. Кеннон справедливо делает отсюда вывод, убийственный для основного положения теории Джемса-Ланге: «Если различные сильные эмоции могут таким образом проявляться в распространенной деятельности одного отдела автономной системы, отдела, который ускоряет работу сердца, тормозит движение желудка и кишок, вызывает сокращение кровеносных сосудов, поднятие волос, освобождение сахара и выделение адреналина, то можно считать, что телесные условия, которые, как это предполагали некоторые психологи, могут позволить отличить одни эмоции от других, не являются пригодными для этой цели, что эти условия нужно искать где угодно, но не во внутренних органах... Мы не станем, подобно Джемсу, утверждать, что «мы печальны, потому что плачем», но мы плачем или от грусти, или от радости, или от сильного гнева, или от нежного чувства; когда одно из этих различных эмоциональных состояний имеется налицо, нервные импульсы по симпатическим путям направляются к различным внутренним органам, включая и слезные железы. При страхе, гневе или чрезмерной радости, например, реакции во внутренних органах кажутся слишком однообразными, чтобы дать ^в руки подходящий способ различения тех состояний, по крайней {107} мере у человека, окрашенных в различные субъективные тона. Ввиду этого я склоняюсь к мысли, что висцеральные изменения просто сообщают эмоциональному комплексу более или менее неопределенное, но все же настойчивое ощущение тех нарушений в органах, которые обычно не доходят до нашего сознания» (1927, с. 155 -158).

Уже в этих словах содержится, в сущности говоря, окончательный приговор для той теории, которая видела разрешение вопроса о природе эмоций в сознательном восприятии многообразных, тонко дифференцированных соответственно роду эмоционального процесса реакций. Сам Кеннон видоизменяет совершенно недвусмысленно основное положение Джемса таким образом, что главное отношение между органическими реакциями и эмоциональным процессом никак не может быть понято как отношение причины и следствия. Вместо ставшего классическим положения: мы печальны, потому что плачем - Кеннон формулирует: мы плачем или от грусти, или от радости, или от сильного гнева, или от нежного чувства. Оставляя пока в стороне вопрос об ударе, который эта же формулировка наносит традиционной теории эмоций, нельзя не видеть, что в основном она нас возвращает к идее, столь оспариваемой Ланге и Джемсом, именно к идее зависимости телесных проявлений от эмоционального процесса как такового.

К. Г. Ланге, как известно, настаивает в своей гипотезе, что непосредственные физические выражения, сопровождающие эмоцию, составляют различные для каждой эмоции изменения в функциях вазомоторного аппарата. Он даже построил схему органических изменений для семи эмоций: разочарования, печали, страха, смущения, нетерпения, радости и гнева. Джемс полагал, что его теория приводит к коренному преобразованию всей проблемы классификации эмоций. Раньше возникал вопрос, к какому роду или виду принадлежит данная эмоция, теперь же речь идет о выяснении причины эмоций, о том, какие именно модификации вызывает в нас тот или иной объект и почему он вызывает в нас именно те, а не другие модификации. От поверхностного анализа эмоций мы переходим, таким образом, к более глубокому исследованию высшего порядка. Классификация и описание суть низшие ступени в развитии науки, которые отходят на второй план, как только выступает на сцену вопрос о причинной связи в данной научной области исследования.

Раз мы выяснили, что причиной эмоций являются бесчисленные рефлекторные акты, возникающие под влиянием внешних объектов и немедленно сознаваемые нами, то нам сейчас же становится понятным, почему может существовать бесчисленное множество эмоций и почему у отдельных индивидов они могут неопределенно варьировать и по составу, и по мотивам, вызывающим их. Дело в том, что в рефлекторном акте нет ничего неизменного, абсолютного, возможны весьма различные действия рефлекса и эти действия, как известно, варьируют до бесконечности. {108}

Короче говоря, любая классификация эмоций может считаться истинной и

естественной, коль скоро она удовлетворяет своему назначению, и вопросы вроде того, каково истинное или типичное выражение гнева или страха, не имеют никакого объективного значения. Вместо решения подобных вопросов мы должны заняться выяснением того, как могла произойти та или иная экспрессия страха или гнева, и это составляет, с одной стороны, задачу физиологической механики, с другой - задачу истории человеческой психики, т. е. задачу, которая, как и все научные задачи, по существу разрешима, хотя и трудно, может быть, найти ее решение.

О том, что говорит история человеческой психики по поводу рассматриваемой теории, мы скажем ниже. Физиологическая же механика, к которой апеллирует Джемс, сказала свое едва ли не окончательное слово по этому поводу, и это слово не только не защищает гипотезу Джемса, но стоит в непримиримом противоречии с ней. В то время как Ланге утверждает, будто различие между эмоциями должно найти свое объяснение в различии вазомоторных реакций, а Джемс считает, будто предлагаемая им точка зрения объясняет удивительное разнообразие эмоций, физиологическая механика устанавливает тот неопровержимый факт, что органические изменения при эмоциях возникают как стандартная реакция, единообразная для самых различных аффектов, подобная врожденным рефлексам низшего порядка, к которым относится, например, чихательный рефлекс. «Приведенные мной факты, а также наблюдения Шеррингтона, - резюмирует Кеннон, - позволяют думать, что внутренние органы играют в эмоциональном комплексе незначительную роль, особенно в смысле распознавания природы эмоций» (1927, с. 157). Опыты, указывающие на однообразие висцеральных реакций, говорят за то, что висцеральные факторы играют незначительную роль в происхождении различий в эмоциональных состояниях.

Ф. Бард, оценивая значение этого факта для подтверждения или отрицания теории, находит, что этот факт является резким аргументом против утверждения Ланге, но не имеет всей силы в применении к более поздней формулировке, которую десять лет спустя после первой публикации Джемс придал своим основным положениям. В более позднем изложении своих взглядов Джемс уже не настаивает с такой отчетливостью, как он делал прежде, на возможности различать эмоции на основе различий в телесных изменениях. Однако и по отношению к более поздней формулировке критический аргумент сохраняется, поскольку и там Джемс подчеркивает значение висцеральных факторов, которые он провозглашает существенной причиной всякого аффективного состояния, в целостной эмоциональной реакции. В ответ на упрек, что смех от щекотания, дрожь от холода возбуждают чисто локальные телесные восприятия, а не реальные эмоции веселья или страха, он отвечал, что при этих обстоятельствах воспроизведение эмоциональных реакций не полно. Трудно локализуемые висцеральные {109} факторы отсутствуют, а они, по-видимому, являются самыми существенными из всех. Когда они присоединяются вследствие какой-нибудь внутренней причины, мы имеем налицо эмоцию, и тогда субъект оказывается охваченным патологическим или беспредметным ужасом, горем или гневом. Таким образом, даже в отношении более поздней формулировки теории Джемса этот отрицательный аргумент, как видим, в основном сохраняет полную силу.

В такой же мере убедительность этих соображений остается в наших глазах непоколебленной и после комментариев, с помощью которых многие последователи теории Джемса пытаются оградить его учение от разрушительной силы этого аргумента. Так, Д. Энджелл²⁰ допускает, что возможно наличие значительной стереотипной основы существенно идентичных висцеральных изменений при всяких эмоциях, но полагает, что дифференциальные признаки могут быть найдены в экстрависцеральных расстройствах, в частности в различиях тонуса скелетной мускулатуры (in: W. B. Cannon, 1927, p. 108). Р. Перри также указывает на проприо-цептивные структуры, на моторную сторону эмоционального выражения, в которой можно найти различающиеся между собой элементы для разных аффективных состояний.

Смысл комментариев совершенно ясен: они пытаются пожертвовать фактическим и

конкретным содержанием теории для того, чтобы спасти ее идейное и теоретическое ядро. Пусть окажутся несостоятельными в свете новейшей физиологии те конкретные механизмы эмоциональных реакций, на которые указывает Ланге (центральное объединяющее значение функциональных изменений вазомоторной системы), и те, которые имел в виду Джемс (висцеральные реакции), принципиальное значение теории может быть сохранено в полной мере, если допустить, что эти механизмы следует искать среди экстрависцеральных, в частности моторных и проприоцептивных, процессов. В этом случае теория нуждалась бы в фактических коррективах, может быть, даже в радикальной ревизии всей физиологической части, но основная психофизиологическая теза, лежащая в ее основе, могла бы быть сохранена.

С этими соображениями нельзя не считаться, они сдают только половину тех позиций, на которых была укреплена органическая теория, и поэтому нам придется рассмотреть дальше данные, касающиеся возможности сохранения теории Джемса на другой фактической основе. Ограничимся пока указанием на то, что эта фактическая сторона теории безнадежно скомпрометирована даже в глазах принципиальных последователей Джемса - Ланге. Как правильно отмечает Кеннон, Ланге не отводит новому возможному источнику происхождения эмоциональных процессов никакого места в своей теории, а Джемс приписывает ему меньшую роль по сравнению с главным участием висцеральной и органической частей телесных изменений в происхождении эмоции. Прибавим к этим соображениям только то, что данные {110} повседневного опыта, которыми преимущественно оперируют Ланге и Джемс, ссылаясь на наличие в переживании эмоций компонентов, проистекающих из восприятия органических изменений, говорят также в первую очередь за висцеральные и органические компоненты, а не за экстрависцеральные, в частности моторные.

Но отложим окончательное суждение до рассмотрения всей полемики, которая разгорелась между критиками и защитниками органической теории. Добавим сейчас только одно: при всей униформности, при всем единообразии, стандартности стереотипической реакции, как она описана выше, мы, разумеется, наблюдаем в ее протекании некоторые вариации. Так, нельзя отрицать того факта, что мы имеем при различных эмоциональных состояниях различные изменения в кровеносных сосудах (бледность или покраснение лица). Однако и эти изменения, как замечает Кеннон, маловажны с точки зрения интересующего нас единообразного течения органической реакции. Симпатическая система, говорит Кеннон, вступает в действие как единство, при этом могут быть незначительные вариации, например наличие или отсутствие пота, но в основных чертах интеграция реакций всегда сохраняет характерный облик.

Мы можем перейти сейчас ко второму выводу, связанному с первым, но еще более убийственному для теории Джемса-Ланге. Вывод вытекает непосредственно из тех же более ранних исследований Кеннона, из которых мы извлекли и наш первый критический аргумент. Сущность его в том, что та единообразная стереотипная органическая реакция, которая, как мы говорили, не дает никаких оснований для различения самых противоположных по психологической природе аффективных состояний, наблюдается в том же самом виде и при таких состояниях, которые не имеют ничего общего с эмоциональным возбуждением. Следовательно, она не содержит в себе ничего характерного не только для отдельных эмоциональных состояний, но и для эмоциональных состояний вообще, она является, скорее, результатом высокой степени возбуждения центральной нервной системы, от каких бы причин это возбуждение ни зависело и при каких бы обстоятельствах оно ни возникало. Нельзя не видеть, что это новое соображение окончательно парализует попытку Энджелла принять идентичную стереотипную органическую основу для всех эмоциональных реакций вообще, основу, на которой надстраиваются специфические для каждой эмоции экстрависцеральные компоненты.

Исследования со всей неумолимостью логики фактов показывают, что общая